

Реализация крестьянами прав на разрешение питейной торговли в «акцизной» России (1863–1894 гг.)¹

Н. Е. Горюшкина

Наталья Евгеньевна Горюшкина, доктор исторических наук, заведующая кафедрой истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, 305040 Курск, ул. 50 лет Октября, 94. E-mail: goro46@yandex.ru

Аннотация. В статье оценивается эффективность реализации крестьянами прав на разрешение или закрытие питейных заведений в период действия акцизной системы в России. Работа важна для понимания общинного правосознания, отношения крестьян к торговле и потреблению спиртных напитков, факторов поведения крестьян на общинных сходках 1860–1880-х годов, а также причин отказа правительства от свободного оборота алкоголя в 1890-е годы. Сельская крестьянская община рассматривалась правительством как оплот социальной стабильности, трезвости и порядка, поэтому ей были делегированы права разрешать или запрещать продажу алкоголя в селениях. Практика показала, что нравственные мотивы не стали ведущими в позиции общины по отношению к винной торговле. Большая часть крестьянских приговоров не имела нравственных основ, разрешение на открытие кабака сопровождалось взяткой от виноторговца. Несмотря на законодательные запреты, сельский сход принимал магарыч в виде спиртного, денег или в комбинации. Количество точек питейной торговли в акцизный период оставалось высоким, имела место тенденция к монополизации розничной торговли, пьянство являлось серьезной социальной проблемой. Автор приходит к выводу, что попытки правительства сделать крестьян блюстителями государственного интереса в отношении питейной торговли оказались неудачными. Легкость, с которой покупались голоса крестьян, всемогущество сельского начальства, зависимость крестьян от виноторговца заставили правительство подключить к общественному контролю над оборотом алкоголя присутствия по питейным делам — губернские и уездные. Но и в этом случае результат разошелся с ожиданиями. Свободный оборот алкоголя был отменен, в России установилась государственная винная монополия.

Ключевые слова: крестьяне, акцизная реформа, свободный оборот алкоголя, питейная торговля, кабак, сельский сход, приговор, питейное присутствие, трезвость

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-2-39-60

Тема крестьянского самоуправления в пореформенный период относится к числу приоритетных в современной российской историографии (Вронский, 2012; Кравцова, 2012; Прасолов, 2019;

1. Публикация выполнена в рамках государственного задания на 2024 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851-20200033).

Старосек, 2019 и др.). Это связано с пристальным вниманием исследователей к историческому опыту модернизации страны, привлечения населения к реализации государственных программ обновления. Однако до последнего времени в научной литературе не раскрыт вопрос о реализации крестьянами права на разрешение питейной торговли, что имело место в России в рамках реализации винной реформы 1863 года. Первые шаги по его изучению были сделаны С. В. Богдановым (Богданов, 2008), Н. Е. Горюшкиной (Горюшкина, 2022), Е. М. Берестовой, А. М. Субботиной (Берестова, Субботина, 2022). Названные авторы сошлись во мнении, что в акцизный период правительство побуждало крестьян выступить «правительственными агентами» в области питей и решить на сходке — быть кабаку на принадлежавшей им земле или не быть. Но объяснений, почему разрешительное право в крупных сельских поселениях было затем изъято из ведения сельских обществ и передано в руки питейных присутствий, а позднее и вовсе свободный оборот алкоголя заменен казенной винной операцией, историки до сих пор не дали.

Представленная статья призвана в некоторой степени восполнить имеющийся в историографии пробел. Ее цель — оценить эффективность использования крестьянами прав на разрешение питейной торговли в акцизный период и объяснить последовавшую в середине 1890-х годов смену питейных режимов.

Основой для статьи стали документы из Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург), Государственного архива Российской Федерации (Москва), Государственного архива Курской области. Для характеристики правового режима, в котором действовали сельские общества, потребовалось внимательное прочтение «Положения о питейном сборе», высочайше утвержденного 4 июля 1861 года, «Правил о раздробительной продаже напитков» от 14 мая 1885 года, других законодательных актов. Поведение крестьян разных российских губерний на сходках о кабаках было изучено по материалам, собранным этнографическим бюро князя В. Н. Тенишева и опубликованным в издании «Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы». Взгляд просвещенного общества на реализацию крестьянами права на разрешение питейной торговли нашел свое отражение в периодических изданиях эпохи акциза («Вестник Европы», «Русская старина», «Московские ведомости»), кроме того, в статье использовались очерки публициста-народника А. Н. Энгельгардта и источники личного происхождения — воспоминания предпринимателя Н. М. Чукмалдина, мирового судьи В. Н. Назарьева и др. Важные сведения о питейном деле в Богородском уезде Московской губернии были опубликованы непременно членом уездного по питейным делам присутствия П. А. Роспоповым, они использовались при описании взаимодействия крестьянских обществ и виноторговцев.

«Положение о питейном сборе» 1861 года отменило откупной порядок и объявило «дробную», то есть розничную продажу питей предметом вольного промысла. «Питиями» назывались спиртные напитки, в том числе хлебное вино, водка, наливки, настойки, морсы и т.д. Распределение мест и выбор типа продажи (распивочно, на вынос или в комбинации) зависели теперь исключительно от выгод, которые могли получить виноторговцы.

Открытие питейных заведений в сельской местности акцизное законодательство поставило в зависимость от решения сельских обществ, оформленного в виде мирских приговоров. Селения, расположенные на казенных землях, находившихся в ведении Министерства государственных имуществ, утверждали составленные приговоры в Палате государственных имуществ; удельные селения — в Удельной конторе; селения на землях казачьих войск — на станичных сборах. Примечательно, что питейная продажа на землях, отведенных помещиками в пользование крестьян, разрешалась с согласия сельского схода и с разрешения помещика (ст. 243–244)².

Реформаторы полагали, что имевшие место при откупах ограничения в виноторговле порождали пьянство и монополию, тогда как свободный оборот алкоголя, напротив, обеспечит доступность питейных заведений, побудит конкуренцию, улучшит качество крепких напитков, искоренит сложившуюся при откупах привычку напиваться и в конечном итоге сформирует умеренно-равномерный способ потребления.

Но первые результаты действия акцизной системы продемонстрировали серьезные просчеты в составленных планах. Численность питейных заведений резко устремилась вверх. Управляющий винокурренным заводом П. В. Березин так описывал процесс либерализации питей: «Все селения, не только торговые, но и самые глухие, не проезжие, пестрели кабацкими вывесками, все большие дороги — тоже. Открывались кабаки в самых мизерных деревушках. Открывались на всяких дорожных перекрестках. Открывались на речных перевозах, на лесных пристанях. Открывались на мельницах, на рушках, на маслобойнях. Открывались среди господских усадеб. Открывались в самых господских жилых домах. Открывались на мелких речных перекатах, где застревали плывущие суда. Открывались на землях церковнослужителей. Открывались у волостных правлений, у монастырей, у больниц и у кладбищ» (Березин, 1900: 13).

Если в 1859 году алкоголем торговало 77,4 тыс. заведений, то в 1863 году их количество увеличилось до 239,3 тыс. (Кадер, 1897: 51). С ростом числа питейных заведений выросли объемы по-

Н. Е. Горюшкина
Реализация
крестьянами прав
на разрешение
питейной торговли
в «акцизной»
России (1863–
1894 гг.)

2. Высочайше утвержденное Положение о питейном сборе // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 (далее — ПСЗ-2). Т. 36. Ч. 2. № 37197. С. 66–67.

ребления спиртного. В 1862 году (в последний год откупов) в России было выпито 7,2 млн ведер безводного спирта, в 1863 году (первый год действия акцизной системы) — 14,7 млн ведер. В некоторых губерниях рост объемов потребления превзошел средние показатели по стране: в Тамбовской — на 215%, в Пензенской — на 281% (Катков, 1897а: 450). Вместе с тем увеличилось число пьянствующих, росла преступность, понизилась производительность крестьянских хозяйств, наблюдался рост числа смертей от опоя. По неофициальным данным (официальные отсутствовали), в 1863 году от пьянства погибло 400 тыс. человек, что было равно людским потерям в нескольких генеральных сражениях (Загоскин, 1893: 56).

Возможности акцизных управлений — губернских и окружных — в контроле над оборотом алкоголя были ограниченными. В 1860–1870-х годах в ведении одного помощника надзирателя состояло 3–5 винокурен, 1–3 водочных завода, 2–3 оптовых склада и около 100 мест розничной торговли. В 1880–1890-е годы численность питейных заведений снизилась, но объектов для ревизий акцизными чиновниками меньше не стало, поскольку увеличились площади ревизуемых участков (Горюшкина, 2009: 160).

Сельская крестьянская община рассматривалась правительством как оплот народного спокойствия, трезвости и порядка. Министерство финансов лишь попыталось отрегулировать акцизное законодательство в части участия сельских общин в составлении приговоров о питейной торговле: Законом 2 мая 1864 года были сделаны уточнения в «Устав о питейном сборе» 1863 года³. Так, срок действия разрешительного приговора на заведение с распивочной продажей был ограничен четырьмя годами, если приговор не устанавливал более короткого периода действия. Помимо этого, отменялось требование об утверждении мирских приговоров казенными и удельными крестьянами в вышестоящих инстанциях, хотя крестьяне, «водворенные на помещичьих землях», т.е. бывшие крепостные, по-прежнему должны были утверждать свое решение о кабаке у помещика (ст. 322)⁴.

Закон 18 июня 1868 года установил новую редакцию статей «Устава о питейном сборе». Разрешения, выданные сельскими обществами без указания срока действия, стали считаться выданными только на 1 год (ст. 310). В примечании к статье указывалось, что разрешения на торговлю, которые были составлены с взиманием платы в пользу обществ или частных лиц, считаются недействительными, патенты по таким приговорам не выдаются. Недействительными признавались и те приговоры, которые предоставляли

3. Устав о питейном сборе // Продолжение Свода законов Российской империи, изданного в 1857 году. По 31 марта 1863 года. Ч. II. СПб., 1863. С. 1–92.

4. О порядке открытия продажи питей в городах и селениях, и о воспреещении продажи питей в лавках, торгующих другими товарами // ПСЗ-2. Т. 39. Ч. 1. № 40833. С. 398.

питейную продажу одному или нескольким лицам в виде монополии (прим. 3 ст. 310). К этому времени, надо отметить, правительство сочло бывших крепостных крестьян осмотревшимися и повзрослевшими, потому приговоры временнообязанных крестьян тоже освобождались от «визы» помещика (ст. 314)⁵.

Законом 14 мая 1874 года была сделана еще одна поправка в порядок разрешения питейной торговли в черте усадебной оседлости крестьян. Мирские приговоры стали обязательными для виноторговцев, осуществляющих раздробительную продажу питей и распивочно, как это было установлено прежде, и на вынос. Уточнялось, что если в черту усадебной оседлости входили земли какого-либо ведомства или частного лица, то для открытия на них питейной продажи был обязательным общественный приговор и согласие владельца земли⁶.

Закон 1 января 1876 года разъяснял примечание 3 к статье 310 «Устава о питейном сборе», указав еще раз на недопустимость «платного» составления мирских приговоров на продажу крепких напитков и отдачи прав на питейную торговлю одному или нескольким лицам в виде монополии (ст. 2)⁷.

Правки и дополнения в акцизное законодательство выглядели паллиативами, касались они в основном частных. Но осторожность была вполне оправданной. С одной стороны, пития являлись основным источником пополнения государственного бюджета, и любое вмешательство в алкогольную сферу требовало осмотрительности, с другой — нужно было время, чтобы убедиться, что, как ее называли, «кабацкая конституция» действует, что крестьяне осознают свою миссию и готовы участвовать в установлении питейного порядка⁸.

Сходка о кабаках

Право сельских обществ оказалось серьезным испытанием их зрелости и ответственности за сделанный выбор. Крестьяне приняли это право с готовностью, никто не считал его обременением. На сходку, где решался вопрос о кабаке, крестьяне шли с большей охотой, чем на какую-либо другую, к вопросу — быть или не быть кабаку — подходили серьезно. Вопрос этот для крестьян был значимым.

5. Высочайше утвержденная новая редакция статей Устава о питейном сборе // ПСЗ-2. Т. 43. Ч. 1. № 46003. С. 863–865.

6. О порядке разрешения раздробительной продажи крепких напитков в селениях, в черте усадебной оседлости, об ограничении прав евреев на питейную торговлю и об устройстве постоянных дворов в городах // ПСЗ-2. Т. 49. Ч. 1. № 53524. С. 773.

7. Об изменении примечания 1 и разъяснении примечания 3 к статье 310 Устава о питейном сборе // ПСЗ-2. Т. 51. Ч. 1. № 55438. С. 2.

8. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. 1. СПб., 1908. Стб. 2079.

Кабак в селе был не только питейным заведением, но и банком, биржей, школой, судом. Всякое сельское событие находило отклик в кабаке — свадьба, похороны, проводы в армию, найм на работу, встреча друзей, примирение врагов. Кабак был «специфическим сельским клубом» (Горская, 2023: 32).

Описание сельского питейного дома оставил А. Н. Энгельгардт: «Кабачок помещался в старой, покачнувшейся на бок, маленькой, полусгнившей избушке <...> Все помещение кабачка восемь аршин в длину и столько же в ширину. Большая часть этого пространства занята печью, конуркой хозяев, стойкой, полками, на которых расставлена посуда, бутылки очищенной, бальзама — напитка приятного и полезного — и всякая дрянь. Для посетителей остается пространство 3 аршина длиной и 4 шириной, в которой скамейки около стен и столик. В кабачке грязно, накурено махоркой, холодно, тесно и всегда полно — по пословице “не красна изба углами, а красна пирогами” — и не пирогами, а приветливостью хозяев» (Энгельгардт, 1999: 208–209).

Кабаки располагались в самых людных местах, чтобы нельзя было его ни обойти, ни объехать. За хорошим местом под кабак виноторговцы охотились. «Известное дело, что каждое мало-мальски людное селение зорко, как хорошая добыча, стережется питейными промышленниками, стремящимися во что бы то ни стало расширить свои владения, отбивая добычу у соперников», — свидетельствовал В. Н. Назарьев (Назарьев, 1872: 133).

Законодатели предполагали, что крестьяне в решениях о кабаках будут исходить из того, чтобы число кабаков не превышало действительной в них потребности, чтобы питейная торговля не несла ущерба интересам нравственности, чтобы кабатчиками не стали лица неблагонадежные, допустившие ранее нарушения питейных узаконений, чтобы в питейной торговле не устанавливалась монополия.

Если претендент на кабак был не один, начиналось отчаянное соперничество. Каждый стремился к тому, чтобы вытеснить конкурента и остаться в селении в одиночку. Споры на сходке становились страстными. Особо ценились здесь ораторы, говоруны, краснобаи, заводилы. Их каждый претендент стремился переманить на свою сторону. Шансы кандидата росли, если за него вступались уважаемые в селе крестьяне или сельское начальство. «Буде ребята, галдеть-то, — говорил обыкновенно кто-то из толпы, — послушаем, что теперь Кузьма Петрович нам скажет» (Русские крестьяне, 2005: 414).

Крики на сходках были обычным явлением, тем более на сходках о кабаках. «Попав на такой сход, человек, незнакомый с местными условиями жизни, будет ошеломлен бездной крика, шума и сумятицы, видимого по внешности беспорядка. Сторонний наблюдатель будет оглушен общим ревом толпы и резкими выкрикиваниями отдельных голосов при обсуждении, — замечал много раз присутство-

вавший на сходках редактор газеты «Киевское слово» Е. И. Игнатъев. — Кажется минутами, что вот-вот разгорающиеся страсти дойдут до предела и начнется общая свалка. Но нет! Мысль, хотя медленно и кропотливо, но работает в голове каждого крикуна. Шум постепенно стихает. Столковываются, и принимается решение почти всегда разумное и взвешенное — и никогда непрактичное» (Игнатъев, 1907: 39).

Находились крестьяне — поборники трезвости. На сходке они выступали против питейных домов, призывали односельчан к трезвости, но поддержки такие инициативы не имели. Большинству крестьян трезвеннические призывы были чужды. К трезвенникам, как правило, относились с недоверием и подозрением, за их спинами шептались, обзывали «помешанными»⁹.

Как только сход приходил к устраивавшему большинство решению, писался приговор — разрешительный или запретительный. Свою подпись ставили все грамотные участники схода, «знак» на бумаге оставляли неграмотные крестьяне, в конце документа расписывался и прилагал печать староста. Под приговором должны были расписаться не менее 2/3 всех имевших право голоса.

Со временем стало очевидным, что решение сельского схода являлось не результатом нравственных установок крестьян, а следствием магарыча водкой и (или) деньгами, полученного от просителя. Невозможно указать точную сумму или объем спиртного, которые получали сельские общества за разрешительный приговор. Много зависело от выгод местности, от числа конкурентов, от общего настроения крестьян. Плата сельским обществам определялась от 100 руб. до 40 тыс. руб. (Лебедев, 1898: 32).

Откупщики и их подручные, благодаря имевшимся у них капиталам и знанию условий виноторговли, забрали себе самые выгодные в отношении виноторговли районы, расположенные по большей части в тех округах, которыми они владели до акцизной реформы. Питейная торговля во многих губерниях монополизировалась. Монополисты не допускали других лиц до питейной торговли, разоряя их в самом начале путем значительного колебания цен и подкупа крестьян. Целые волости и даже уезды благодаря магарычу попадали в руки состоятельных виноторговцев. Сообщения о подкупе крестьянского населения приходили в Министерство финансов из Владимирской, Нижегородской, Ярославской, Костромской, Курской, Тверской, Новгородской и других губерний Европейской России (Аксаков, 1876: 80).

Размеры отступных с годами росли. В 1884 году в Самарской губернии владельцы питейных заведений уплатили за право торговли около 1 млн руб., в то время как патентный сбор едва превышал 382 тыс. руб. В Пермской губернии, при общей сумме поступлений патентного сбо-

9. Государственный архив Курской области (далее — ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 6504. Л. 7.

ра в размере 325 тыс. руб., сумма, направленная сельским обществам, превысила 1 млн руб. Управляющий акцизными сборами Ставропольской губернии, Терской и Кубанской областей определял годовой доход сельских и станичных обществ в 1 млн руб. Он свидетельствовал, что отдельные питейные дома отдавались обществами буквально с торгов, «по повесткам», рассылаемым сельскими и станичными правлениями известным торговцам с назначением места и времени сбора¹⁰.

Если дело не шло, то виноторговец обыкновенно обещал сверх оговоренной платы в пользу общества произвести пожертвования на церковь или школу, оплатить числящуюся за обществом недоимку, ежемесячно поить народ водкой. На особые подношения рассчитывали сельские должностные лица. Выходец из тобольских крестьян Н. М. Чукмалдин горестно свидетельствовал: «Чуть только появлялся кабатчик с несколькими ведрами¹¹ водки для схода и несколькими отдельными подачками мироедам, как все доброе настроение разрушалось, и появлялись кабаки, разорители крестьян» (Чукмалдин, 1902: 145).

На крестьянской земле нельзя было найти питейного дома, который бы не выкупил свое открытие у сельского схода. Селения сдавались с торгов. В книгу доходов полученные от виноторговцев деньги не заносились, потому контролю не подлежали. Большая часть этих денег пропивалась или растрачивалась сельским начальством, а обход закона хранился в тайне как секрет Полишинеля. Поскольку в приговорах ни о полученных деньгах, ни о предоставлении прав на питейный торг одному лицу не упоминалось, то юридических оснований для отказа в выдаче патента акцизные чиновники не имели. «Крестьянские общества, — доносили в Министерство финансов из Воронежской губернии, — под действием “общественных коноводов” давно злоупотребляют представленным им правом по выдаче разрешений на питейную торговлю». Вести из Саратовской губернии были схожими: «Сельские общества дают разрешения по незаявленным условиям». «В ущерб питейного дохода, — приходили жалобы из Симбирской губернии, — крестьяне объявили устные торги на питейные заведения». «Волостные старшины и писаря взимают с виноторговцев плату за дозволение открыть питейное заведение», — докладывали акцизные чиновники из Пензенской губернии¹².

С годами сходки о кабаках становились формальностью. Подписи за односельчан ставило сельское начальство. Крестьяне перестали стесняться магарычей и искали только выгоду в представленном им праве. «Крестьяне одного села дошли даже до того, что решились было уничтожить училище, выстроенное их бывшим по-

10. Отчет Департамента неокладных сборов за 1884 год. СПб., 1885. С. 61, 243.

11. Ведро — мера жидкостей объемом в 12,229 л, считалась эквивалентом 20 бутылок по 0,5 л.

12. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 574. Оп. 2. Д. 144. Л. 1-2, 262; Д. 1145. Л. 105 об.

мещиком, и здание оного отдать под помещение питейного заведения, которое они дозволили открыть в своем селе», — писал курскому губернатору анонимный корреспондент¹³.

Получив магарыч, мир считал свое дело законченным, и в занятия виноторговца не вмешивался. Тот же старался оправдать свои расходы — вино разбавлялось водой, сдабривалось перцем, дурманом, бузиной, табаком, продавалось в долг, под заклад вещей, в счет будущего урожая. Крестьяне ко всем беззакониям относились равнодушно (Горюшкина, 2009: 54).

Разумеется, бывали случаи, когда крестьяне составляли и запрительные приговоры. Но запрет на питейную торговлю «постановлялся» не из-за родившейся потребности в трезвом времяпрепровождении, а под давлением начальства или от обиды на кабатчика.

Так, Министерство финансов зафиксировало, что в Казанской губернии стала уменьшаться численность кабаков, но увеличивалось число погребов виноградных вин (в 1872 году — 3; в 1873 году — 13; в 1874 году — 63). При ревизии оказалось, что под видом русского виноградного вина в погребах продавалась подкрашенная водка, а не виноградное вино (Аксаков, 1876: 76).

В 1875 году в Тобольском округе акцизным чиновником Ковалевским было обнаружено два тайных винокурных завода. На допросе крестьяне показали, что корчемная выкурка у них началась с того времени, как исправник и заседатель уговорили прибывших на сходку крестьян составить приговор против питейных заведений. Крестьяне кабаки закрыли, и в волости, насчитывавшей около 30 населенных пунктов, осталось только одно официальное питейное заведение (Аксаков, 1876: 77).

Поставить свободный оборот алкоголя на нравственную почву не получалось. Всякое правительственное распоряжение относительно участия крестьян в выдаче разрешений на питейную торговлю оказывалось на деле или не работающим, или не достигающим цели.

Общественная оценка

Представители консервативных и либеральных взглядов к праву крестьян разрешать или запрещать кабаки отнеслись с редким единодушием. «Пьянство и кабак с его атмосферой и обстановкой — две вещи нераздельные. Размножение кабаков не может не сопровождаться развитием пьянства. Оно всегда относится к нему как причина к следствию, — указывал в передовой статье «Московских ведомостей» за 1865 год их редактор, консерватор М. Н. Катков, — ближайшими способами против пьянства оказываются: 1) ограничение числа распивочных заведений <...>, 2) усиление надзора за питейными заведениями и допущение к участию в нем лю-

13. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2669. Л. 153.

дей, заинтересованных в борьбе с пьянством» (Катков, 1897б: 344). С ним соглашался известный своими либеральными воззрениями публицист А. Н. Аксаков: «С уничтожением откупов и введением новой акцизной системы <...> законодательство предоставило самому обществу, через посредство общественных учреждений, возможность предохранения себя от чрезмерного развития потребления крепких напитков и контролирования благонадежности виноторговцев, которым общество могло разрешить или не разрешить производство питейной торговли» (Аксаков, 1876: 66).

Со временем позиция в обществе изменилась. Росла критика в адрес правительства, оставившего крестьянство один на один с кабачком. Недовольство вызывали действия крестьян, которые продавали за магарыч свои распорядительные права. Благие мысли, что крестьяне, перебивавшиеся изо дня в день с хлеба на воду, благодаря предоставленному в питейных статьях праву вдруг станут поборниками трезвости, оставляли даже оптимистов. Общественное мнение при всех его различиях и оттенках стало требовать пересмотреть действовавшие правила в смысле более решительной интервенции в жизнь крестьянства, защитить крестьян от кабака.

Опека, просвещенная, благожелательная, сочувственная, виделась острой необходимостью. Профессор В. А. Лебедев так описывал переломный момент: «Все более и более чувствовалась надобность в ограничительных мерах; укоренялось сознание, что нельзя полагаться на благоразумие темной, все еще непросвещенной массы населения, ищущей в вине развлечения, утех и отрады» (Лебедев, 1898: 34).

В 1876 году верховная власть, избегавшая радикальных шагов в отношении питей, инициировала, наконец, работу Особой комиссии (первой). Примирить фискальный интерес с борьбой против народного пьянства было нелегко: разработанный проект оказался «непроходным». В 1881 году «изыскать меры к урегулированию питейной торговли» взялась вторая Особая комиссия. Выработанные ею заключения были направлены в Совещание сведущих людей, а оттуда — в Государственный совет, который, в свою очередь, счел разумным обсудить питейный вопрос во всех уездах, губерниях и областях России.

Обсуждения на местах оказались жаркими, а представленные в Государственный совет предложения — противоречивыми. Предлагались: казенная продажа питей, неограниченная свобода алкоголя, установление предельного минимума питейных заведений, продажа только на вынос в запечатанной посуде, учреждение мирских питейных заведений и т.д. Последние должны были содержаться крестьянскими обществами на «артельных» началах. Приверженцы этой идеи доказывали, что сельский мир станет следить за трезвостью крестьян, не допустит тайной продажи питей, будет приобретать алкоголь только за наличные деньги, а не в залог, в долг, в счет будущего урожая, платья и других вещей. Доходы же станут поступать в мирской капитал для оплаты недоимок, податей, общественных работ (Катков, 1897а: 437). Были и совсем курь-

езные предложения — произвести книжки в 365 листов (по числу дней в году) и продавать их в казначействах потребителям вина, а виноторговцев обязать отпускать штоф¹⁴ вина в день по предъявлению листка. В год выходило — 36,5 ведер на человека (Лебедев, 1898: 35). Пожелания, чтобы крестьяне в полный голос диктовали условия кабатчикам, не высказывались. Напротив, звучали предложения защитить крестьян от целовальников, «кулаков» и «жидов».

Новый питейный порядок

На основе поступивших предложений был выработан Закон 14 мая 1885 года, представлявший новые правила питейной торговли, которые вступали в силу 1 января 1886 года¹⁵.

Кабак как «сеятель зла» подлежал уничтожению. Распивочно и на вынос отпускать алкоголь могли только постоянные дворы, корчмы, пивные лавки, временные выставки, станционные дома, буфеты и трактиры (ст. 2); только на вынос — винные и ведерные лавки, ренсковые погреба, погреба русских виноградных вин (ст. 3). Открытие заведений для раздробительной торговли «вне городских поселений» было поставлено в зависимость от решения уездных по питейным делам присутствий, сформированных из председателя (или члена земской управы), непрямого члена уездного по крестьянским делам присутствия, мирового судьи (или члена окружного суда), уездного исправника (или его помощника) и акцизного чиновника. Во главе уездного по питейным делам присутствия вставал уездный предводитель дворянства (ст. 4, 5). Рассмотрением заявляемых на постановления уездных присутствий жалоб и утверждением их постановлений предстояло заняться губернским присутствиям. Их образовывали вице-губернатор, губернский предводитель дворянства, прокурор (или его товарищ), управляющий казенной палатой, управляющий акцизными сборами, председатель (или член) губернской земской управы, городской голова (или член городской управы). Руководство губернскими по питейным делам присутствиями было поручено губернаторам (ст. 6, 7).

Новые правила запрещали владельцам земли взимать плату за согласие на питейную торговлю на их землях и разрешать торговлю только одному или нескольким лицам, в виде монополии. Сделки такого рода признавались недействительными (ст. 28).

Разрешения на открытие заведений для раздробительной питейной торговли, полученные от питейных присутствий, стали *бессрочными* (ст. 63). Данный факт подтверждал широту полномочий присутствий по питейным делам в деле открытия питейных заведений. Однако права присутствий по запрету торговли питиями оказались

14. Штоф — емкость, равная по объему 1,23 л.

15. Высочайше утвержденные Правила о раздробительной продаже напитков // ПСЗ-3. Т. 5. № 2946.

весьма ограниченными. Запретительные права были прописаны весьма условно. Получалось, что присутствия не могли запретить продажу питей (распивочно) в селениях базарных, торговых, промышленных и фабричных, а также в селениях, что располагались при станциях железных дорог, у пристаней и перевозов больших рек, на проезжих трактах и других местах со значительным скоплением людей (ст. 54). В том случае, если сельское общество составило единогласный приговор с ходатайством о запрещении питейного заведения в черте их усадебной оседлости, то уездное присутствие было вправе «не уважить» ходатайство, если в селении числилось более 500 душ обоего пола (ст. 61), и могло отказать в удовлетворении ходатайства, если прошение не вызвано стремлением противодействовать развитию пьянства. Оговорка эта не имела четких границ и открывала широкий простор для произвольных действий. В тех же случаях, когда приговор с ходатайством о запрещении питейного заведения направлялся сельскими обществами крупных селений или селений, где имелись фабрика, базар, железная дорога или где проживало более 5 тыс. душ обоего пола, присутствие вообще, не объясняя причин, были обязаны отказать в просьбе о запрете торговли алкоголем. Общества таких селений были лишены любых прав на запрет питейных заведений.

Типичная ситуация была описана в «Казанском биржевом листке» и перепечатана в «Московских ведомостях», которые жестко критиковали новые правила. В деревне Ныртах, говорилось в статье, действовал металлургический завод, и до вступления в силу Закона 14 мая 1885 года в деревне действовал один кабак. Теперь же уездное питейное присутствие разрешило открыть в деревне трактир, ренсковый погреб, 2 ведерные лавки и 5 винных лавок, поскольку селение относилось к категории «фабричных».

В законе отсутствовали и действенные рычаги для противодействия монополии. Захват алкогольного рынка крупными торговцами шел повсеместно. «Харьковские ведомости» информировали, а «Московские ведомости» перепечатали сообщение о том, что с будущего (1886) года в Белгородском уезде из 154 питейных заведений в селах и деревнях 56, то есть более трети, сданы водочному заводчику Муромцеву (Катков, 1898в: 600-601).

Обращала на себя внимание та статья новых правил, по которой владельцы усадеб, чьи земли соседствовали с землями сельских обществ, освобождались от обязанности просить дозволения сельских сходов (ст. 27). Таким образом, две статьи (54 и 27) изъяли у крестьян все рычаги для борьбы с питейными заведениями. «Деревня, — негодовал по этому поводу М. Н. Катков, — с ногами и головой отдана на жертву бесконтрольному кабачному произволу». Данные статьи не только не противодействовали пьянству, но и сковывали всякую инициативу «охранительных элементов», стремившихся противодействовать алкогольному злу (Катков, 1897в: 575).

Правительство полагало, что под действием новых правил с 1 января 1886 года закроется более 80 тыс. питейных домов, «служивших

наибольшим соблазном для населения и нередко делавшихся притоном разврата, порока и преступлений». Кабатчики и впрямь впали в уныние. Но горевали они недолго. Организация кухоньки и установка двух-трех стульев превращала кабак в трактир и в «личине» трактира кабак продолжал действовать. Не остались в убытке ведерные и винные лавки, которым полагалось торговать на вынос, но бывало, что они отпускали вино «стаканами», выставив на пороге сто рожа или переправив бочку в избу поблизости (Лебедев, 1898: 46).

Сельские общества к новым правилам отнеслись негативно, потому что их мнение относительно целесообразности открытия питейных заведений было оставлено без внимания, потому что они лишились магарыча, ставшего для них привычным.

Исправил ситуацию в некоторой мере Закон 9 декабря 1885 года, дополнивший новые правила важным пунктом: селениям, не исключая тех, что были перечислены в ст. 54, где питейная продажа ко времени издания правил не производилась, давалось право просить о безусловном воспрещении продажи питей. Отказ в удовлетворении таких ходатайств питейные присутствия не имели права¹⁶.

Поправка удовлетворила сельские общества частично, ведь селения, не успевшие избавиться от питейной торговли до 1885 года, по-прежнему были лишены права ходатайствовать об избавлении от мест продажи алкоголя.

Либеральная пресса негодовала, указывая на двойственность правительственных попыток увеличить поступления питей и сдерживать распространение пьянства. Консерваторы обращали внимание на недостаток «экзекуционных прав» у присутствий, которые, по сути, не могли закрыть ни одно питейное заведение без ходатайств сельских обществ. Критику вызывал их состав и регламент работы. Члены присутствий совершенно не располагали временем для занятий питейным вопросом. Уездный предводитель дворянства «председательствовал» в разных уездных учреждениях. Непременный член по крестьянским делам, один на целый уезд, едва справлялся с делами крестьянского самоуправления. Мировой судья завален судебными делами своего участка. Уездного исправника обременяли полицейские дела. Председатель управы с трудом справлялся с прямыми обязанностями (Родионов, 1886: 308). Самым исполнительным членом оказался акцизный чиновник, но он смотрел на питейные заведения как представитель финансового министерства, озабоченный доходами казны, а не как борец за народную нравственность (Бородин, 1910: 74-75).

Министр финансов 28 сентября 1885 года выпустил циркуляр, который позволил присутствиям самостоятельно запрещать питейную продажу в целях борьбы с пьянством. Но и данный циркуляр

16. О предоставлении всем вообще селениям, где не производилось питейной продажи в последнее время, права отказываться от такой продажи и на будущее время // ПСЗ-3. Т. 5. № 3366. С. 499.

был сух в разъяснениях и оставил место для самостоятельности. То, что для одних присутствий считали нормой, для других — поводом к закрытию питейной торговли.

Картина с запрещенными к открытию питейными заведениями в сельской местности на 1886 год выглядела следующим образом (табл. 1).

Таблица 1. Численность запрещенных к открытию питейных заведений в 1886 году, шт.

Губернии	Число селений, где питейные заведения запрещены сельскими обществами и частными лицами	Число селений, где питейные заведения запрещены присутствиями	Число селений, оставшихся без питейной торговли	Число приговоров сельских обществ и частных лиц, которые присутствия не утвердили	Число питейных заведений, разрешенных к содержанию сельскими обществами
Московская	2635	–	2635	382	11
Калужская	223	451	674	53	16
Олонецкая	228	29	257	75	3
Пензенская	144	403	547	102	86
Рязанская	906	713	1617	115	8
Смоленская	1041	34	1075	98	43
Тамбовская	493	950	1443	171	33
Тверская	1030	732	1762	273	10
Тульская	1163	–	1163	326	6
Ярославская	501	102	603	243	10
Вятская	2349	2369	4718	670	7
Курская	380	210	590	247	50
С.-Петербургская	368	57	425	219	10
Нижегородская	791	17	808	128	16
Астраханская	25	–	25	27	39
Владимирская	320	17	337	176	11
Воронежская	119	452	571	383	10
Казанская	929	730	1659	144	10
Костромская	113	–	113	20	11
Орловская	948	120	1068	364	40
Саратовская	721	251	972	207	203
Уфимская	486	68	554	142	42

Как следует из приведенной таблицы, наибольшее число селений, где питейные заведения были запрещены сельскими обществами и частными лицами (2635), располагалось в Московской губернии, по питейным делам присутствия ни одного запрета на питейные заведения в данной губернии не ввели. Схожей была ситуация в Тульской (1163), Астраханской (25), Костромской (113) губерниях. Малое число селений осталось без питейной торговли по решению питейных присутствий в Уфимской (68), Владимирской (17), Санкт-Петербургской (57), Ярославской (102), Смоленской (34), Олонецкой (29) губерниях. В Тамбовской губернии большая часть селений (950) лишилась мест продажи питей по решению питейных присутствий, а меньшая часть (493) — по решению сельских сходов. Выдающейся по числу запретов выглядит ситуация в Калужской, Воронежской, Казанской губерниях, в первой — присутствия закрыли 674, во второй — 452, в третьей — 730 магазинов. Но выделилась на общем фоне Вятская губерния, где 2349 питейных заведений прекратили отпуск питей по решению сельских обществ и частных лиц, а еще 2369 питейных заведений были запрещены присутствиями (Сведения, 1885: 1023).

Тайная продажа питей и питейная монополия

Сокращение числа официальных питейных заведений не привело крестьян к трезвости. Множились места тайной продажи питей — шинки. Шинкари без патента отпускали спиртное не только за деньги, но и в долг, в счет будущего урожая, под заклад платья, посуды, в обмен на хлеб, другие сельские произведения или отработки.

Борьба против шинков представляла проблему. «На большой дороге или посередине села стоит хата, и в ней продается водка, — описывал ее суть помощник надзирателя Витебского акцизного управления С. А. Кадер. — Двери, конечно, затворены <...> Проезжает мимо честный, благонамеренный полицейский чиновник, или же молодой, увлекающийся еще акцизный чиновник, у которого, кстати, имеется досуг и он даже знает, наверно, что в такой-то хате — негласный кабак <...> Его или не впускают, пока не уложен бочонок, или даже впускают немедленно: “Мы, — говорят мужички, — зашли к Мошке погреться, до дому далеко!”» (Кадер, 1897: 56).

Крестьяне охотно посещали места тайной продажи и помощи администрации в их обнаружении не оказывали по причине нелюбви к свидетельству в суде, боязни мести со стороны шинкаря или опасения «красного петуха» от односельчан (Родионов, 1886: 313).

Вместе с тайной продажей питей росла монополия в сфере оборота алкоголя. В качестве примера приведем данные за 1886 год по Вятской губернии, согласно которым у 1174 из 1653 питейных

заведений губернии был только 41 хозяин. На одного виноторговца приходилось в среднем 29 питейных заведений, а известный купец первой гильдии И. В. Александров владел 235 магазинами и 3 винокурными заводами¹⁷.

Пьяные деньги — на доброе дело

Новые перемены в ход питейных дел внес Закон 5 мая 1892 года¹⁸. Питейная продажа на землях сельских обывателей снова стала осуществляться по мирским приговорам сельских обществ (п. 5). Но не попала под контроль сельских обществ торговля в трактирах, постоянных дворах, корчмах в базарных, торговых, промышленных и фабричных селах, на станциях, пристанях, проезжих трактах и других местах значительного скопления людей. Приговоры сельских обществ выдавались на 3 года, а согласие, объявленное без обозначения срока, считалось действительным 1 год (ст. 18). Ограничение сроков действия приговоров объяснялось необходимостью учета динамики численности питейных заведений и переменчивостью разрядов питейных заведений, расположенных вне городских поселений в отношении размеров патентного сбора. На уездные питейные присутствия были возложены обязанности по наблюдению, чтобы число питейных заведений не превышало в каждой местности действительной в них потребности; чтобы к питейной торговле не допускались лица неблагонадежные; чтобы стеснения в торговле алкоголем не порождали корчемства, чтобы в раздробительной торговле питьями не устанавливалось монополии (ст. 4). Сельским обществам было разрешено брать деньги за выданное согласие, только полученные от виноторговцев суммы должны были поступить в мирские доходы и тратиться их в уплату недоимок, если таковые были (ст. 24).

Сельский сход стал все больше напоминать рыночный торг. Мир указывал цену — претендент просил скидку. Мир сбавлял — претендент накидывал. Суммы, взимаемые сельскими обществами за разрешительный приговор, выросли. Но сельские власти стали прибегать к всевозможным ухищрениям, чтобы обойти закон и скрыть, сколько было получено денег. Нередко размер «взноса» знали только виноторговец и староста. Большая часть денег по-прежнему пропивалась, меньшая — поступала на приход в мирскую кассу (Роль и значение, 1901: 6).

Число запретительных приговоров после вступления в силу Закона 5 мая 1892 года снизилось. К примеру, в Богородском уез-

17. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 102. Оп. 76 б. Д. 55. Л. 109.

18. О некоторых изменениях в правилах о питейной торговле // ПСЗ-3. Т. 12. № 8576. С. 329–332.

де Московской губернии в первое трехлетие после новых правил (1886–1889) действовали 112 запретительных приговоров, во второе (1889–1892) — 302. Когда вступил в силу указанный закон, было составлено только 84 запрета (Роспопов, 1898: 7).

В руках сельских обществ большинство приговоров служило разным целям, но не нравственным. Доказательством этому было прекращение открытой питейной торговли и развитие корчемства. Нередко действительное желание сельских обществ не принималось в расчет, особенно со вступлением в силу Закона 12 июля 1889 года, поставившего сельские общества под контроль земских начальников¹⁹.

Иначе обстояли дела в местностях, где запретительные приговоры были связаны с религиозными движениями (раскол, молоканство, духоборство, баптизм и др.), а воздержание от алкоголя являлось одним из принципов религиозно-этической морали, составляло часть культа. В подтверждение сказанного приведем данные о запретах, составленных крестьянскими обществами четырех восточных губерний, где казенная винная операция была проведена в первую очередь (табл. 2).

Таблица 2. Численность запретительных приговоров в восточных губерниях России (1891–1894 годы)

Губернии	Приговоры, не утвержденные питейными присутствиями	Приговоры, утвержденные питейными присутствиями	Причины, вызвавшие составление утвержденных питейными присутствиями приговоров
Пермская	Не было		
Самарская			
Уфимская	44	20	Религиозно-нравственные мотивы: большинство крестьян были последователями раскола
Оренбургская	163	252	

Как видим, в Пермской и Самарской губерниях запретительные приговоры, составленные на религиозной основе, не были зафиксированы. В Уфимской и Оренбургской губерниях 44 и 163 приговора соответственно были оставлены питейными присутствиями без утверждения как не имевшие трезвеннических целей. В то же время в Уфимской губернии были поддержаны 20 запретительных приговоров, а в Оренбургской — 252 запрета. В данном случае присутствия посчитали, что приговоры эти не являлись следствием корысти и желания погулять за чужой счет, а выражали дей-

19. Положение о Земских Участковых Начальниках // ПСЗ-3. Т. 9. № 6196. С. 508–536.

ствительное стремление крестьян не употреблять спиртное (Роль и значение, 1901: 9).

Министерство финансов, которое в 1892 году возглавил С. Ю. Витте, признало несовершенство контроля над питейной продажей со стороны сельских обществ и окончательно склонилось к необходимости коренного преобразования в отношении питей. 6 июня 1894 года получило высочайшее утверждение «Положение о казенной продаже питей»²⁰.

Правительственный шаг объяснялся необходимостью защитить крестьян от кабатчика, который в условиях свободного оборота алкоголя безостановочно развращал сельское начальство и народ в целом.

Заключение

Главный документ акцизной реформы — «Положение о питейном сборе» — был высочайше утвержден 4 июля 1861 года. Он поставил открытие питейных заведений на землях, принадлежавших сельским обществам, в зависимость от решения сельского схода. Правительство попыталось опереться на нравственные устои крестьян, которые решали, быть или не быть питейному заведению на их земле. Самым распространенным типом питейного заведения в сельской местности в акцизное время был кабак. Представленное право крестьяне приняли с воодушевлением. Сходка о кабаке была тем редким случаем, когда не крестьяне обращались с просьбой к кабатчику, а он шел к ним с магарычом. Кабатчики, желая получить разрешительный приговор, использовали самые разнообразные способы, чтобы склонить сельское общество на свою сторону. Они договаривались с сельским начальством, предлагали крестьянам алкоголь и деньги, обещали уплатить имевшиеся недоимки, направить средства на строительство школы, церкви, больницы и т.д. При наличии нескольких претендентов на питейное заведение обсуждение затягивалось. Решение считалось принятым, если за претендента голосовало подавляющее большинство крестьян. Однако надежда реформаторов на превращение крестьян в защитников нравственности и блюстителей интересов казны не оправдала себя. Приговоры крестьян в отношении питейной торговли в большинстве случаев не имели трезвеннических основ. Не борьба с пьянством, а размеры магарыча определяли результат схода. Слабые регуляционные возможности сельских обществ, легкость, с которой покупались голова крестьян, всеислие сельского начальства вынудили правительство передать общественный контроль над оборотом алкоголя в крупных селениях присутствия по питейным делам — губернским и уездным. Сельские общества недружелюбно отнеслись к Закону 14 мая 1885 года, ограничившему их права в отношении питей и лишивше-

20. Положение о казенной продаже питей // ПСЗ-3. Т. 14. № 10766. С. 404–410.

му магарыча. Противодействие ему выразилось в росте числа запретительных приговоров на питейную торговлю и появлении тайных шинков. Законом 5 мая 1892 года сельским обществам было позволено брать деньги за разрешительный приговор и тратить их на нужды сельской общины, но большая часть средств тратилась втемную. Питейные присутствия, ввиду занятости их членов, в деле регулирования оборота алкоголя оказались малоэффективными. Несовершенство питейной продажи, пьянства народа явилось одним из оснований для отказа от акциза в пользу казенной винной монополии.

Библиография

- Аксаков А. Н. (1876). Питейное дело и кабацкий вопрос в России // Вестник Европы. Т. 4. Кн. 7. Июль. Ч. 1. С. 65–94.
- Березин П. В. (1900). На службе злему делу (Хроника из жизни на винокурных заводах). М.: Типолитография товарищества И. Н. Кушнерев и К.
- Берестова Е. М., Субботина А. М. (2022). Российский крестьянин между трактиром и чайной: питейные заведения и борьба с ними в 1880–1900-е гг. // Вопросы истории. № 12-3. С. 60–69.
- Богданов С. В. (2008). Государство в борьбе за трезвое общество в начале 1880-х — начале 1890-х годов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. № 2. С. 56–73.
- Бородин Д. Н. (1910). Кабак и его прошлое. СПб.: Санкт-Петербургская коммерческая типография Виленчик.
- Внутреннее обозрение (1886) // Вестник Европы. Т. 2. № 4. Апрель. С. 824–845.
- Вронский О. Г. (2012). Роль схода в системе крестьянского общинного управления пореформенной эпохи (вторая половина XIX — начало XX в.) // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. № 1 (45). С. 58–62.
- Горская Н. И. (2023). Кабак как публичное пространство крестьянского мира в период акцизной торговли в России (1860–1890-е годы) // Крестьяноведение. Т. 8. № 2. С. 21–35.
- Горюшкина Н. Е. (2009). История государственного регулирования свободного оборота алкоголя в пореформенной России (по материалам Курской губернии). Курск: КГТУ.
- Горюшкина Н. Е. (2022). Место сельского схода в регулировании питейной торговли после винной реформы 1863 года // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. Т. 12. № 2. С. 124–134.
- Загоскин Н. П. (1893). Пьянство и борьба с ним в старинной России (Исторические очерки) // Русское богатство. № 4. С. 14–58.
- Игнатьев Е. И. (1907). Похвала пьянству и письма о нем деревенских людей. СПб.: Электротпечатня Я. Левенштейн.
- Кадер С. А. (1897). Винная регалия и монополия система. Историко-экономический очерк. Витебск: Губернская типография.
- Катков М. Н. (1897а). Собрание передовых статей Московских ведомостей за 1881 год. М.: С. П. Каткова.
- Катков М. Н. (1897б). Собрание передовых статей Московских ведомостей за 1865 год. М.: С. П. Каткова.
- Катков М. Н. (1897в). Собрание передовых статей Московских ведомостей за 1885 год. М.: С. П. Каткова.
- Кравцова Е. С. (2012). Роль сельского самоуправления в фискальной сфере в России на рубеже XIX–XX столетий // Экономическая история. № 1 (16). С. 64–70.

- Лебедев В. А.* (1898). Питейное дело. СПб.: Тип. Правительствующего Сената.
- Назарьев В. Н.* (1872). Современная глушь: из воспоминаний мирового судьи // Вестник Европы. Т. 2. Кн. 3. Март. С. 131–181.
- Прасолов Д. Н.* (2019). Сельские сходы в местном самоуправлении кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX — начале XX в. // История науки и техники. № 7. С. 47–53.
- Родионов Ю. Д.* (1886). Новые правила о торговле пиятиями и их применение // Русский вестник. Т. 185. № 9. С. 303–323.
- Роль и значение (1901) запретительных мирских приговоров до и после введения казенной продажи питей. [Санкт-Петербург]: Типография Министерства финансов.
- Росполов П. А.* (1898). Данные о положении питейного дела в Богородском уезде Московской губернии. М.: Московское губернское земство.
- Русские крестьяне (2005). Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 3: Калужская губерния. СПб.: Деловая типография.
- Сведения (1885) о ходе дел, Высочайше утвержденных 14 мая сего года правил о раздротительной продаже напитков // Вестник Финансов, Промышленности и Торговли. № 51. С. 1023–1024.
- Старосек А. К.* (2019). Роль сельских сходов в обеспечении участия местных сообществ в управлении на местах // Вестник Забайкальского государственного университета. Т. 25. № 2. С. 105–113.
- Чукмалдин Н. М.* (1902). Записки о моей жизни. М.: Типолиитография А. В. Васильева и К°.
- Энгельгардт А. Н.* (1999). Из деревни. 12 писем. 1872–1887. СПб.: Наука.

Peasants' exercise of the rights to alcohol trade in excise Russia (1863–1894)

Natalya E. Goryushkina, DSc (History), Head of the Department of History and Social-Cultural Services, Southwestern State University, 50 years of October St., 94, 305040, Kursk, Russia. E-mail: goro46@yandex.ru

Abstract. The author considers the peasants' rights to open or close pubs under the excise system in Russia. Such an analysis is important for understanding the communal legal consciousness, peasant perception of the alcohol trade and consumption, external and internal factors of peasant behavior at communal gatherings, and the government reasons for refusing free alcohol trade in the 1890s. Rural peasant community was considered by the government as a stronghold of national stability, sobriety and order; therefore, it was given the right to authorize or prohibit the sale of alcohol in villages. In fact, moral principles did not prevail in the communal perception of alcohol trade. Most decisions of peasant gatherings had no moral basis, and a permission to open a pub was usually based on the wine merchant's bribe. Despite legislative prohibitions, peasant gatherings accepted backsheesh in alcohol, money or their combination. In the excise period, the number of pubs remained high, there was a monopolization trend, and drunkenness was a serious social problem. The author argues that all attempts to make peasants guardians of the state interest in alcohol trade were unsuccessful. The ease with which peasant votes were bought, omnipotence of rural authorities, and peasant dependence on the wine merchant forced the government to involve provincial and district authorities in the public control of alcohol trade. However, the result did not meet expectations; thereby, the government banned free alcohol trade and introduced wine monopoly.

Key words: peasants, excise reform, (free) alcohol trade, pub, peasant gathering and its decisions, sobriety

- Aksakov A. N. (1876) Piteinoe delo i kabatsky vopros v Rossii [Alcohol trade and the pub question in Russia]. *Vestnik Evropy*, vol. 4, no 7, part 1, pp. 65–94.
- Berestova E. M., Subbotina A. M. (2022) Rossiisky krestiyanin mezhdru traktirom i chainoi: piteinye zavedeniya i borba s nimi v 1880-e — 1900-e gg. [Russian peasant between pub and tea house: Alcohol trade and fight against it the 1880s — 1900s.]. *Voprosy Istorii*, no 12–3, pp. 60–69.
- Berezin P. V. (1900) *Na sluzhbe zlomu delu (Khronika iz zhizni na vinokurenykh zavodakh)* [In the Service of Evil (Chronicle of life at Distilleries)], Moscow: Tipolitografiya tovarishchestva I. N. Kushnerev i K^o.
- Bogdanov S. V. (2008) Gosudarstvo v borbe za trezvoe obshchestvo v nachale 1880-h — nachale 1890-h godov [The state struggle for the sober society in the early 1880s — early 1890s]. *Vestnik TvGU. Seriya: Istoriya*, no 2, pp. 56–73.
- Borodin D. N. (1910) *Kabak i ego proshloe* [Pub and its Past], Saint Petersburg: Sankt-Petersburgskaya kommercheskaya tipolitografiya Vilenchik.
- Chukmaldin N. M. (1902) *Zapiski o moei zhizni* [Notes about My Life], Moscow: Tipolitografiya A. V. Vasilieva i K^o.
- Engelgardt A. N. (1999) *Iz derevni. 12 pisem. 1872–1887* [From the Village. 12 Letters. 1872–1887], Saint Petersburg: Nauka.
- Gorskaya N. I. (2023) Kabak kak publichnoe prostranstvo krestyanskogo mira v period aktsiznoy trgovli v Rossii (1860-e — 1890-e gody) [Pub as a public space of the peasant world under the excise trade in Russia (1860s — 1890s)]. *Russian Peasant Studies*, vol. 8, no 2, pp. 21–35.
- Goryushkina N. E. (2009) *Istoriya gosudarstvennogo regulirovaniya svobodnogo oborota alkogolya v poreformennoj Rossii (po materialam Kurskoj gubernii)* [History of the State Regulation of Free Alcohol Trade in Post-Reform Russia (based on the materials of the Kursk Province)], Kursk: KGTU.
- Goryushkina N. E. (2022) Mesto selskogo skhoda v regulirovanii piteinoi trgovli posle vinnoi reformy 1863 goda [The role of rural gathering in the regulation of alcohol trade after the wine reform of 1863]. *Izvestiya YuZGU. Seriya: Istoriya i Pravo*, vol. 12, no 2, pp. 124–134.
- Ignatiev E. I. (1907) *Pokhvala piyanstvu i pisma o nem derevenskih lyudei* [Praise of Drunkenness and Peasants' Letters about It], Saint Petersburg: Elektropechatnaya Ya. Levenshteina.
- Kader S. A. (1897) *Vinnaya regaliya i monopolnaya sistema. Istoriko-ekonomichesky ocherk* [Wine Regalia and Monopoly System. A Historical-Economic Essay], Vitebsk: Gubernskaya tipolitografiya.
- Katkov M. N. (1897a) *Sobranie peredovykh statei Moskovskikh vedomostei za 1881 god* [Collection of the Moscow Gazette Editorials for 1865], Moscow: S. P. Katkova.
- Katkov M. N. (1897b) *Sobranie peredovykh statei Moskovskikh vedomostei za 1865 god* [Collection of the Moscow Gazette Editorials for 1881], Moscow: S. P. Katkova.
- Katkov M. N. (1897v) *Sobranie peredovykh statei Moskovskikh vedomostei za 1885 god* [Collection of the Moscow Gazette Editorials for 1881], Moscow: S. P. Katkova.
- Kravtsova E. S. (2012) Rol selskogo samoupravleniya v fiskalnoi sfere v Rossii na rubezhe XIX — XX stoletiy [The role of rural self-government in Russia's fiscal system at the turn of the 19th — 20th centuries]. *Ekonomicheskaya Istoriya*, no 1, pp. 64–70.
- Lebedev V. A. (1898) *Piteinoe delo* [Alcohol Trade], Saint Petersburg: Tip. Pravitelstvuyushchego Senata.
- Nazariev V. N. (1872) *Sovremennaya glush iz vospominaniy mirovogo sud'i* [Contemporary hinterland in the memoirs of the justice of the peace]. *Vestnik Evropy*, vol. 2, no 3, pp. 131–181.
- Prasolov D. N. (2019) Selskie skhody v mestnom samoupravlenii kabardintsev i balkartsev vo vtoroi polovine XIX — nachale XX vv. [Peasant gatherings in the local self-government

Н. Е. Горюшкина
Реализация
крестьянами прав
на разрешение
питейной торговли
в «акцизной»
России (1863–
1894 гг.)

- of Kabardians and Balkars in the second half of the 19th — early 20th centuries]. *Istoriya Nauki i Tekhniki*, no 7, pp. 47–53.
- Rodionov Yu.D. (1886) Novye pravila o torgovle pitiyami i ih primeneniye [New rules of alcohol trade and their application]. *Russky Vestnik*, vol. 185, no 9, pp. 303–323.
- Rol i znachenie zapretitelnykh mirskih prigovorov do i posle vvedeniya kazennoj prodazhi pitej* (1901) [The Role and Meaning of the Peasant Gatherings' Prohibitions Before and After the State Alcohol Monopoly Was Introduced], Saint Petersburg: Tipografiya Ministerstva finansov.
- Rospopov P.A. (1898) *Dannye o polozenii piteinogo dela v Bogorodskom uезде Moskovskoy gubernii* [Data on the Alcohol Trade in the Bogorodsky Uyezd of the Moscow Province], Moscow: Moskovskoe gubernskoe zemstvo.
- Russkie krestiyane* (2005). Zhizn. Byt. Nravyy: materialy “Etnograficheskogo byuro” knyazya V. N. Tenisheva [Russian Peasants. Life. Everyday Practices. Morals: Materials of the Ethnographic Bureau of Prince V. N. Tenishev]. Vol. 3: Kaluzhskaya guberniya, Saint Petersburg: Delovaya tipografiya.
- Starosek A. K. (2019) Rol selskikh skhodov v obespechenii uchastiya mestnykh soobshchestv v upravlenii na mestah [The role of peasant gatherings in ensuring the participation of local communities in local governance]. *Vestnik ZabGU*, vol. 25, no 2, pp. 105–113.
- Svedeniya o khode del po primeneniyu Vysochaishe utverzhdennykh 14 maya sego goda pravil o razdrobitelnoi prodazhe napitkov (1885) [Data on the application of rules for separate alcohol trade as approved by the Tsar on May 14, this year]. *Vestnik Finansov, Promyshlennosti i Torgovli*, no 51, pp. 1023–1024.
- Vnutrennee obozrenie (1886) [Internal review]. *Vestnik Evropy*, vol. 2, no 4, pp. 824–845.
- Vronsky O. G. (2012) Rol skhoda v sisteme krestiyanskogo obshchinnogo upravleniya poreformennoy epokhi (vtoraya polovina XIX — nachalo XX vv.) [The role of gathering in the peasant communal management of the post-reform era (the second half of the 19th — early 20th centuries)]. *Uchenye zapiski OGU. Seriya: Gumanitarnye i Sotsialnye Nauki*, no 1, pp. 58–62.
- Zagoskin N. P. (1893) Piyanstvo i borba s nim v starinnoy Rossii (istoricheskie ocherki) [Drunkenness and the fight against it in ancient Russia (historical essays)]. *Russkoe Bogatstvo*, no 4, pp. 14–58.